

Глава 1

Глаза консула смотрели на Мусатова с нехорошим прищуром.

— Вы дважды меняли фамилию.

— Но я все указал в анкете. При рождении меня записали на фамилию отца. Родители развелись, когда мне было полтора года, мать взяла девичью фамилию и ее же дала и мне. Потом, когда мне было девять лет, мать вторично вышла замуж, ее муж усыновил меня и дал мне свое отчество и фамилию.

— Это я понял. Но мне нужны подтверждающие документы. В частности, свидетельство о расторжении брака и документы о вашем усыновлении и смене фамилии в связи с этим. Кстати, а где сейчас ваш родной отец?

— Понятия не имею, — пожал плечами Мусатов. — Родители развелись почти тридцать лет назад. Как я могу знать?

— Это надо знать, — назидательно произнес консул.

Мусатов начал терять терпение. Конечно, его предупреждали, что американское посольство дает визы крайне неохотно, особенно если виза не туристическая, на пару недель, с заказанными и оплаченными отелями и обратным билетом, а де-

ловая, на пять месяцев. Ох, не хотят они русского бизнеса в своей процветающей стране! И в каждом человеке, въезжающем в США из России, видят потенциального эмигранта, которому до спазмов в горле захочется остаться в США на веки вечные и который тут же придумает себе или жену-американку, или близкого родственника, уже проживающего в стране. У Мусатова и без того положение не очень крепкое, он ведь не женат, следовательно, консул может подозревать его в нехорошем намерении за пять месяцев пребывания в стране найти себе невесту.

— Надо знать, где находится ваш отец и чем он занимается, — повторил консул.

— А если его нет в живых?

— Тогда принесите свидетельство о смерти. Для вас это будет лучше.

Да уж конечно. В этом случае американцы будут уверены, что отец не проживает в Штатах и не ждет родного сыночка с распростертыми объятиями. Господи, вот морока-то!

Андрей вышел из здания посольства и не спеша побрел к станции «Баррикадная», рядом с которой так удачно припарковал машину. Надо же, ведь еще радовался, дурак, подумал, что если повезло с парковкой, то и все остальное сложится хорошо. Ан не тут-то было.

Он сел в машину, но двигатель заводить не стал. Вынул из кармана телефон и позвонил матери в Питер.

— Ну что, Андрюша? — быстро, с напористой тревогой в голосе спросила мать. — Приняли документы на визу?

— Нет. Мам, им нужны сведения об отце. Где он, что он, как он и так далее.

— О господи, — выдохнула она. — Вот так я и знала, что конца этому не будет! Прости меня, сынок, если б я только знала, что из-за этого возникнет столько проблем...

— Мама, перестань, — ласково сказал Андрей. — Ты же хотела как лучше, я все понимаю. Надо его найти и решить проблему. Ты говорила, он родом откуда-то из Курской области, да?

— Ну да. У меня есть только адрес его родителей, мы туда даже ездили, когда ты родился. Но после семьдесят шестого года я этим адресом не пользовалась, написала им только, что брак расторгнут, и все. Больше ничего не знаю. Может, они переехали, да не один раз. Как их теперь найдешь?

— Да найти-то не вопрос, были бы деньги. Ладно, будем надеяться, что они знают, где сейчас их сын. Адрес помнишь?

— Что ты, Андрюша, конечно, нет. Надо в бумагах порыться, найти старую записную книжку.

— Хорошо, мамуля, как найдешь — сразу позвони, ладно? И я сразу же поеду. До стажировки еще два месяца, я все успею.

До семнадцати лет Андрей Мусатов был уверен, что рожден матерью-одиночкой, потому и фамилия у него сначала была мамина — Кожухов. На все детские вопросы: «А где мой папа?» — мать добросовестно отвечала, что его нет. Она не придумывала небывлиц про погибших летчиков-испытателей или офицеров, тайно исполнявших интернациональный долг где-то в далекой загранице, она просто говорила, что поссорилась с Андрюшиным папой и рассталась с ним до того, как они успели пожениться, но уже после того, как успели зачать ребенка. Никаких комплексов по этому по-

воду у мальчика не сформировалось, в его классе почти треть ребят росла в неполных семьях. В школу он пошел в восемьдесят первом, когда слова «мать-одиночка» уже не казались страшными и оскорбительными, а уж на Андриюшу Кожухова никому бы и в голову не пришло смотреть косо — его мать была в этой же школе учительницей английского языка и литературы, а когда он перешел в девятый класс — стала завучем. В языковых спецшколах было два завуча, один из которых отвечал за весь цикл преподавания иностранного языка, и Ксению Георгиевну Мусатову (ко времени назначения на руководящую должность она уже несколько лет пребывала в счастливом браке и при новой фамилии) так и называли: английский завуч.

А брак у Ксении Георгиевны был действительно счастливым, Константин Мусатов оказался для Андриюши превосходным отцом, сумел не вызвать в мальчишке ревности и построить с приемным сыном настоящую мужскую дружбу. Однажды двенадцатилетний Андриюша даже сказал матери:

— Хорошо, что ты вовремя поссорилась с моим отцом. Если бы вы успели пожениться, я бы с Костей не познакомился.

Как ни странно, но, несмотря на всю эту дружбу и взаимную любовь, мальчик так и не стал называть Константина папой, хотя и был им официально усыновлен. Мать нервничала и переживала, а ее муж относился к ситуации философски:

— Просто ребенку нужен не столько отец, сколько взрослый друг, — успокаивал он жену. — Пусть называет меня Костей, если ему так нравится. Тем более я точно знаю, что за глаза, в кругу ребят, он говорит про меня «мой папа».

Катастрофа обрушилась на них в девяносто первом году, когда умерла старенькая бабушка Константина, в квартире которой он был прописан. Появилась возможность улучшить жилищные условия, родители активно занялись поисками обменных вариантов, и уже через три месяца семья Мусатовых собралась переезжать в новую, более просторную и удобную квартиру. Семнадцатилетний Андрей активно помогал собирать и упаковывать вещи, мать с Костей в свободное от работы время носились по магазинам в поисках мебели и всяческих необходимых в новом жилище мелочей, и так уж получилось, что Андрей самостоятельно набрел на ветхую папку с завязками, в которой между мамиными институтскими грамотами за успехи в учебе и работе студенческого научного кружка обнаружилось свидетельство о разводе Ксении Георгиевны Личко с Олегом Петровичем Личко. После расторжения брака гражданке Личко присваивалась фамилия «Кожухова». И случилось это в августе семьдесят шестого, когда Андрюше было уже целых полтора года! Значит, мама была замужем официально. Почему она это скрывала? Что в этом стыдного? Более того, свидетельство о разводе было выдано одним из московских ЗАГСов, значит, в то время они жили в Москве. Получается, они не все время жили в Ленинграде? Выходит, Андрей по рождению — москвич по фамилии Личко, а вовсе не ленинградец по фамилии Кожухов? Или как?

Вечером мама рыдала, пила сердечные капли, Костя метался вокруг нее, то и дело щупал пульс и порывался вызвать «неотложку», а Андрей сидел надутый, не понимая, что вообще происходит в их семье и почему из-за такой ерунды надо разводиться

целую трагедию. Потом мама все-таки успокоилась, взяла себя в руки и рассказала сыну то, о чем уже давно знал ее второй муж.

Олег Личко, отец Андрея, был маньяком-убийцей, сумасшедшим, причем сумасшедшим настолько, что его, когда поймали, даже в тюрьму не посадили, а признали невменяемым и отправили на принудительное лечение в психиатрическую больницу закрытого типа. Он успел убить шесть маленьких девочек, которых хитростью уводил из детских садов и школ. Самое отвратительное состояло в том, что Олег был не только безумным маньяком, но еще и работником милиции, служил на Петровке, 38. От этого Ксении было почему-то особенно стыдно.

Закон позволял в случае привлечения человека к ответственности за тяжкое преступление оформлять с ним развод даже без его согласия и явки в суд. Наличие малолетних детей в этом случае препятствием к разводу не являлось. Ксения немедленно развелась с Олегом, обменяла московскую квартиру на ленинградскую и уехала туда, где никто не знал постыдной истории ее мужа. Олега Личко она вычеркнула из своей жизни, ничего никому о нем не рассказывала, на вопрос об отце ребенка отвечала уклончиво, там, где было можно, о своем замужестве не рассказывала и ограничивалась словами «мать-одиночка», а там, где приходилось показывать свидетельство о рождении сына Андрея, скупно упоминала о неудачном и потому быстро распавшемся браке. В свидетельстве ясно написано: отец — Личко Олег Петрович, мать — Личко Ксения Георгиевна, так что безмужним грехом не прикроешься. Перед тем как отдавать сына в школу, Ксения весьма «удач-

но» потеряла свидетельство, поехала в Москву за дубликатом, показала бумажку о смене фамилии и получила новое свидетельство, в котором в графе «отец» стоял многозначительный прочерк, а мать и ребенок фигурировали уже как Кожуховы. Конечно, для этого ей пришлось обратиться к бывшим коллегам мужа-убийцы, в противном случае так легко новый документ с другими фамилиями она бы не получила. Бывшие коллеги ее чувства понимали, проявили дружеское участие и помогли. История маньяка-убийцы Олега Личко на много лет осталась семейной тайной, владели которой все меньшее и меньшее число людей: Ксения рано потеряла родителей, мать умерла, когда Андрюше было семь лет, а через год вслед за ней ушел и отец. С родителями Олега она отношений не поддерживала, не писала им и не звонила, да они и сами ее не искали, видно, понимали, что не нужно, и на встречах с внуком не настаивали. От второго мужа, Константина, Ксения правду скрывать не стала, но на него можно было положиться.

И вот теперь история выплыла наружу благодаря, как это всегда и бывает, нелепой и неподвижной случайности. Уничтожить свидетельство о разводе Ксения не посмела, все-таки официальный государственный документ, мало ли что... Но ей казалось, что она так надежно его спрятала! Отдать кому-то на хранение она побоялась, ведь это значило бы посвятить в свою тайну еще одного человека. А о банковских ячейках в те времена в нашей стране даже и не слыхивали.

— Значит, я — сын психа ненормального? — дрожащим голосом спросил Андрей.

— Сынок, ты не должен так думать, — торопливо заверила его Ксения Георгиевна. — Ты — мой

сын, наш сын, я тебя родила, а Костя помогал тебе растить и воспитывать.

— А это передается по наследству? — упрямо продолжал он.

— Ты — совершенно нормальный, — твердо заявил Константин, — можешь мне поверить, уж я-то в этом разбираюсь. Мы с мамой все эти годы наблюдали за твоим развитием, за твоим характером и темпераментом, и я говорю тебе как профессионал: ты абсолютно здоров психически, в тебе нет ни малейших признаков каких бы то ни было отклонений.

Константин говорил очень уверенно, и Андрей сразу успокоился. Все-таки Костя — психолог, кандидат наук, да и мама педагог с большим стажем. Им можно верить.

Удар, однако, оказался сильнее, чем показалось в первый момент. Одно дело — совсем не знать своего отца и думать, что это просто был легкомысленный и безответственный тип, и совсем другое — знать, что он психически больной убийца. стыдно. Противно. И немного страшно.

Но помог переезд. Заботы, хлопоты, тюки с одеждой, коробки с книгами, бечевка, которая то рвется, то заканчивается, то куда-то исчезает; посуда, которую надо упаковать так, чтобы не побились, то есть каждую тарелку, каждую чашку и рюмку обернуть газетой; грузчики, которые не приехали вовремя и которые выносят мебель так неаккуратно, что того и гляди испортят, поцарапают, искорежат; сумка с предметами первой необходимости: туалетными принадлежностями, тапочками и бельем, которую положили на самый верх, чтобы не искать, и которая куда-то делась и найти ее совершенно невозможно... А потом все

упакованное распаковать, все завязанное развязать, все завернутое в газетные листы развернуть, и всему найти место, и постараться не забыть, где теперь все это лежит, потому что шкафы другие и стоят они по-другому, квартира-то больше, и мебели в ней больше. Если бы не переезд, еще неизвестно, как справился бы семнадцатилетний юноша со своим стыдом, отвращением и страхом.

Жизнь вошла в нормальное русло, Андрей окончил школу и поступил в технологический институт, какое-то время поработал на государственном предприятии, потом друзья соблазнили его работой в частной компании, где его знания и способности оказались весьма востребованными, потом была более серьезная фирма, потом — еще более серьезная, и уже в Москве, и вот теперь, в 2004 году, тридцатилетний Андрей Константинович Мусатов должен ехать в США на стажировку, чтобы по возвращении возглавить крупный многомиллионный проект. И совершенно неожиданно в его безоблачную жизнь вмешался биологический отец. Ну и где его искать?

* * *

Тридцать лет назад родители Олега Петровича Личко проживали в поселке Черемисино. Ксения Георгиевна не ошиблась, он действительно находился в Курской области. Поселок — не город, человека найти нетрудно, лишь бы он был, человек этот. Андрей решил пойти самым простым путем и начал поиски с местного отдела милиции, а точнее — с паспортной службы. Запасся коробкой дорогих конфет и бутылкой хорошего виски, ведь

никогда не знаешь, на кого попадешь, на женщину или на мужчину.

В ход пошли конфеты.

— Личко? — Средних лет дама в блузке с оборочками с любопытством взглянула на Мусатова. — Да, они у нас проживали.

Андрей обратил внимание на то, что дама из паспортной службы ни на секунду не задумалась перед тем, как ответить. Значит, Личко в этом поселке — люди известные.

— Проживали? — переспросил он. — А где они теперь?

— Умерли. Оба. Когда сына посадили, сначала Любовь Васильевна начала болеть, а потом и Петр Александрович стал постепенно сдавать. А вам зачем? Вы что, родственник? На наследство претендуете?

— А есть на что претендовать? — улыбнулся Андрей. — После них остались несметные сокровища?

— Я вас разочарую. Ничего не осталось. Даже дом сгорел. Представляете? Дней через пять после похорон Петра Александровича. Вот и не верь после этого в судьбу!

— Не понял, простите...

— Ну я же говорю: как будто там, наверху, — она неопределенно ткнула пальцем в потолок, — не хотели, чтобы от этой семьи хоть что-то осталось. Сначала сына сажают в психушку, потом мать умирает, потом сын, потом отец, а потом и дом сгорает. Все. Никаких следов на земле от этой породы не осталось.

«Ну да, — подумал Андрей, — не осталось. А как же сын Олега Петровича, то есть я? Обо мне что, все забыли? Впрочем, наверное, это и к луч-

шему. А Личко-то в поселке, судя по всему, не любили... Значит, сын тоже умер».

— Я, собственно, как раз Олега Петровича и разыскиваю. Он когда-то с моим отцом вместе служил, отец попросил узнать, где он, как живет... — начал врать Мусатов.

— Так нечего его разыскивать, умер он, лет двенадцать назад примерно, а то и больше.

— Здесь, в Черемисине?

— Ну что вы, нет, конечно. В психушке. Родителям официальное извещение пришло. Любовь Васильевна-то не дожидая, а Петр Александрович после этого сгорел буквально в считанные месяцы. Он после смерти жены еще не оправился, а тут сын... В общем, врагу не пожелаешь такую судьбу.

— Где Олег Петрович похоронен? Здесь?

— Нет, тело не привозили, это точно. Наверное, там же, в психбольнице. То есть не в самой больнице, конечно, а на местном кладбище. Хотя и это вряд ли.

— Почему же? — удивился Мусатов.

— Да почта у нас знаете как работает? Когда Петру Александровичу извещение пришло, Олег уже два месяца как умер. Кто ж будет два месяца тело держать? Наверное, отдали в морг какого-нибудь медучилища или института, чтобы студентов обучать.

Андрей внутренне поежился. Ничего не осталось от его биологического отца, даже могилы. Но хоть свидетельство-то о смерти осталось?

— Вы не помните, на похороны Петра Александровича родственники приезжали?

— Да какие родственники! — Дама махнула рукой и вдруг спохватилась: — А вам зачем? Вы же Олега ищете, а спрашиваете про родственников.

— Да я подумал, может, фотографии какие-нибудь остались, я бы отцу отвез.

— Так сгорело же все, я вам русским языком сказала!

— Но если приезжали родственники, они могли еще до пожара какие-то вещи забрать, альбомы с фотографиями, документы, что-то на память. Понимаете?

Дама задумчиво кивнула.

— Знаете что? Поговорите с Перхуровыми, они через два дома от Личко жили. Я вам сейчас адрес запишу. Личко вообще-то мало с кем общались, гордые были сильно, заносились, но с Перхуровыми дружили.

Еще через два часа Андрей Мусатов уже знал, что родственники на похороны Петра Александровича Личко действительно приезжали, но на следующий день после похорон уехали, и в том, что они не взяли из дома Личко ни одной вещи, ни одной бумажки, супруги Перхуровы могли поклясться.

— Это были очень приличные люди, очень приличные, — несколько раз повторила Перхурова, имея в виду дальних родственников Личко. — Они совершенно не стремились нажиться, разграбить дом, что-то утащить. Они люди состоятельные, им все это не нужно было. Даже дом им не был нужен. Люди городские, жили в Приморском крае, зачем им развалюха за тридевять земель? Они, когда уезжали, так и сказали, мол, мы ни на что не претендуем, если объявятся какие-нибудь наследники — пусть забирают дом себе и делают с ним что хотят. Да и дом-то был — одно название, Любочка много лет болела, да и Петя слабел с каждым годом, а уж когда Любочка умерла, Петя во-

обще стал никакой. Пока могли — ездили к Олегу в больницу, а это ведь не ближний свет. Сначала его держали в Белых Столбах, под Москвой, а потом перевели в больницу общего типа, в Вологодскую область. В восемьдесят девятом Люба умерла, а в девяностом или девяносто первом пришло сообщение из больницы, что Олег умер.

— В девяносто первом, — суровым голосом уточнил Перхуров, — как раз после путча, в сентябре, я точно помню.

— Ну ладно, тебе виднее, — покладисто согласилась его жена, — значит, в девяносто первом. А потом и Петя ушел. А домом Любочка с Петей совсем не занимались, он ветшал, разваливался, но у них не было ни сил, ни денег приводить его в порядок. Каждую копейку откладывали, чтобы оплатить билеты и купить что-нибудь для сына — одежду, продукты, нянечкам и санитарам сунуть, чтобы не обижали Олега.

— Почему же они не забрали сына домой, когда его выпустили из Белых Столбов? — удивился Андрей. — Неужели он был настолько буйным?

Перхурова тяжело вздохнула и опустила глаза, видно, вопрос показался ей болезненным. Ее муж же, напротив, как-то словно набычился, налился негодованием.

— Почему не забрали? — начал он, повысив голос. — Так я вам скажу почему.

— Понимаете, Любочка очень гордая была, — торопливо перебила его Перхурова.

— Не гордая она была, а заносчивая, перед всеми нос задирала, — загремел Перхуров. — Не гордость это, а гордыня.

По яростным взглядам, которые метали друг в друга пожилые супруги, Мусатов понял, что спор

этот у них давний и примирения позиций до сих пор не наступило. Ему стало неловко, словно присутствовал при интимной семейной сцене, и он на какой-то момент даже пожалел, что пришел сюда. Ему всего-то и нужен один-единственный документ — свидетельство о смерти Олега Личко, а приходится терять время и выслушивать дебаты чуть ли не на библейские темы. Гордость, гордыня... Да какая разница?

Любовь Васильевна Личко проработала в Черемисине всю жизнь, сначала простым учителем-словесником в местной школе, потом выросла до директора школы. Петр Александрович к тому моменту, когда сын Олег окончил школу, занимал высокий пост в местном исполкоме. Одним словом, семья достойная, уважаемая и вся на виду. Разумеется, Олег окончил школу с золотой медалью, а разве могло быть иначе? Нет-нет, никакого блата, никакого административного давления, Олег с детства был умненьким и трудолюбивым мальчиком, усидчивым, вдумчивым, об этом Ольга Ивановна Перхурова могла судить не с чужих слов, а по собственному опыту, потому как работала в той самой школе, которой руководила Любовь Васильевна, преподавала историю в старших классах. На Олега Личко как на ученика она нарадоваться не могла.

С золотой медалью, отлично усвоенным материалом школьной программы и солидным багажом дополнительных знаний Олег поехал в Москву поступать в университет на юридический. И поступил. Гордости и радости родителей не было предела! На четвертом курсе он познакомился с хорошей девушкой, студенткой педагогического института, и через год, перед самым дипломом,

они расписались. И снова Любовь Васильевна радовалась: сын выбрал жену с такой же профессией, как у нее самой. Невестка будет учителем, ну пусть не русского языка и литературы, а английского, сути это не меняет. Все равно сын высоко ценит профессию матери, потому и жену себе выбрал такую же, на маму похожую. На юридическом факультете Олег тоже учился лучше всех, получал повышенную стипендию, специализацию прошел по кафедре криминалистики, активно участвовал в работе студенческого научного общества, выступал на всех конференциях, и было вполне естественным, что при распределении ему предложили остаться в аспирантуре. Но от аспирантуры юноша отказался. Тогда перед ним, как перед лучшим выпускником курса, положили список мест, куда должны были направляться на работу молодые юристы, и Олег без колебаний выбрал Главное управление внутренних дел Москвы, в народе более известное как Петровка, 38.

И снова Любовь Васильевна расцвела от очередного приступа гордости за сына и за себя саму: ее мальчик, скромный молодой человек из скромного райцентра, — и на самой Петровке служит. Это ж помыслить невозможно! Это почти как в космос слетать, по тем-то временам. Петровка, олицетворение честности, мужества, высочайшего профессионализма, Петровка, о которой написано столько замечательных книг, и в этих книгах каждый герой — образец для подражания. Юлиан Семенов, Аркадий Адамов, братья Вайнеры — да все, все самые лучшие советские писатели посвящают свои произведения именно им, офицерам милиции, работающим на Петровке, 38. А филь-